

JEL classification: G21, N23, N93
УДК 336.7(470)(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(1).165-174

А.К. Кириллов

*Институт истории СО РАН;
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация. Историография пореформенной России пополнилась полезной книгой, которая на местном материале демонстрирует важные общероссийские процессы. Важнейший результат монографии — выявление роли банков не как кредитных, но как расчетных учреждений (при огромном спросе на безналичный перевод денег у торговцев). Убедительно доказана высокая роль специальных текущих счетов для краткосрочного кредитования местных предпринимателей (не связанного со спекуляциями на фондовом рынке). Статистика банковских операций используется и как доказательство высокой роли железных дорог для развития торговли и промышленности. Наконец, книга открывает возможности для дальнейшего исследования: некоторые данные позволяют предположить проникновение вексельного кредита в начале XX в. в те слои городского населения, которым прежде он был недоступен.

Ключевые слова. Волжско-Камский акционерный коммерческий банк, Уфимское отделение, банковские операции, купечество, экономическая повседневность.

Информация о статье. Дата поступления 5 января 2021 г.; дата принятия к печати 18 февраля 2021 г.; дата онлайн-размещения 3 марта 2021 г.

* Рец. на кн.: Роднов М.И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX — начало XX веков). — Уфа: КнигаПринт, 2020. — 238 с.

A.K. Kirillov

*Institute of History of the Siberian Branch of the RAS;
 Novosibirsk State University,
 Novosibirsk, the Russian Federation*

BANK OPERATIONS AND ECONOMIC DAILY LIFE OF POST-REFORM RUSSIA*

Abstract. The historiography of post-reform Russia has been enriched with a new valuable book, which demonstrates the important all-Russia processes using materials locally available. The main finding of the monograph is identification of the role that banks play not as credit institutions, but as accounting companies (since wire-transfers are highly-demanded amongst merchants). It was emphasized that special checking accounts were very important for short-term loans of local entrepreneurs (that were not connected with stock market speculations). The statistics of bank operations was used to illustrate the significance of railways for development of industry and commerce. Finally, the book offers new prospects for further research: some data suggest that in the early 20th century the notes-backed lending penetrated those sections of urban population, which were excluded as before.

Keywords. Volga-Kama Joint-Stock Commercial Bank, the Ufimian Branch, bank operations, merchantry, economic daily life.

Article info. Received January 5, 2021; accepted February 18, 2021; available online March 3, 2021.

Акционерные коммерческие банки давно и справедливо рассматриваются как верхний этаж российской экономики эпохи капитализма. Книга М.И. Роднова предлагает другой подход: изучать банки как ткань экономической повседневности.

Прежде всего, стоит уточнить: Волжско-Камский банк — не просто один из полусотни акционерных коммерческих банков пореформенной России. Это один из известнейших дореволюционных банков, воз-

* Review on a Book: Rodnov M.I. Volga-Kama Commercial Bank and the Ufimian Merchantry (in the second half of the 19th and early 20th centuries). Ufa: KnigaPrint, 2020. 238 p.

никновение его связано с именем самого В.А. Кокорева. Особое внимание банк уделял работе с окраинами. В той же Уфе с 1873 до 1905 г. отделений других акционерных коммерческих банков не было.

Ценность монографии М.И. Роднова в том, что автору удалось выжать нечто интересное из источника не сенсационного. Ежегодные отчеты отделения банка да перечни клиентов (прилагавшиеся к отчету) — это не судебные стенограммы по делу разорившихся банкиров и даже не переписка с Минфином о нарушении каких-нибудь нормативов. Эти рутинные документы автор использует не как вспомогательный материал для изучения местного купечества, но как источник для изучения нового облика экономики преформенной России.

Вся первая глава книги М.И. Роднова посвящена переводам денег как операции, важной для местного делового мира. Переводы — операция техническая, это не кредит, т.е. не финансирование промышленности или хотя бы торговли. Но объем переводов (миллионы рублей в год) существенно превышает объем кредитов, и автору удается увязать эту операцию с развитием экономической конъюнктуры. Так, исчезновение переводов в Мензелинск в 1880-е гг. логично сочетается с падением значения старинной Мензелинской ярмарки, рост переводов на Самару и Оренбург совпадает с появлением железнодорожной связи с этими городами. Таким образом, перевод денег показан как важное орудие развития местной торговли.

В этом же контексте рассмотрены (в третьей главе) и текущие счета, в том числе специальные текущие (онкольные). Со времен первой монографии И.Ф. Гиндина [1] они рассматривались как средство получения кредита, в значительной степени — для спекуляций с ценными бумагами. М.И. Роднов показывает их как еще один, и самый важный, способ безналичных расчетов. Сопоставляя данные об открытых счетах с известными по другим

источникам биографиями местных купцов, он показывает, что по минованию у интеллигенции скоротечной моды на чековые книжки клиентами по текущим счетам остались именно предприниматели, и в основном (судя по размеру кредитов) — крупные. Доля текущих счетов в активе отделения (остаток по счетам на конец года) составляла, по-видимому, незначительный показатель по сравнению с кредитами под векселя. Но оборот уже в 1880-е гг. вышел на уровень десятков миллионов (т.е. на два порядка больше, чем вексельный кредит). Именно с этим и связано значение текущих счетов для развития пореформенной экономики. Пока неясно, как выразить это математически точно. Но ясно, что так создавалась инфраструктура новой экономики, невозможной без быстрых расчетов. Таким образом, книга подводит читателя вплотную к вопросу о роли в развитии дореволюционной российской экономики того, что экономисты любят называть денежным мультипликатором.

Благодаря классическим работам исследователей XX в. мы знали, то банки — это часть инфраструктуры пореформенной российской экономики, поскольку они кредитовали торговлю и промышленность и вводили в оборот ценные бумаги. Благодаря книге М.И. Роднова мы узнали, что банки — это часть инфраструктуры, поскольку они обеспечивали безналичные платежи предпринимателей.

Книга М.И. Роднова дает новый материал, подчеркивающий значение явлений уже известных, но еще не получивших должного признания. В каждой главе, изучая переводы ли, или вексельную операцию, или текущие счета, автор делит развитие Уфимской губернии на три периода. Из них первый именуется дожелезнодорожным. Все операции в это время успешно внедряются, но растут не так быстро, как после прихода в Уфу железной дороги (1888 г.). И это — яркое проявление значимости железнодорожных дорог как фактора развития пореформенной экономики. Созда-

ние железнодорожной сети в правление Александра II со времен монографии А.М. Соловьевой [2] вряд ли кто рискнет назвать неизученным. Но как на общероссийской статистике оценить вклад именно железных дорог в развитие пореформенной экономики (отделив эту причину от прочих) — неясно. Остается изучать воздействие железной дороги на отдельных примерах, подобных воздействию Транссиба на Урал и Сибирь или Екатерининской дороги — на Юг России.

Книга М.И. Роднова позволяет задуматься над некоторыми вопросами, недостаточно изученными. Один из них — разнонаправленность векторов регионального экономического развития. В то время как страна в целом переживала умеренный рост, отдельные губернии, уезды или города могли демонстрировать ускоренный рост или, напротив, утрату позиций.

За теми годами, которые М.И. Роднов именует «золотым виттевским десятилетием», изучаемые им показатели приводят его к мысли об упадке в «предвоенное десятилетие», которое выделяется то ли с 1906, то ли с 1908, то ли с 1910 г. После 1905 г. резко снижается роль переводов на Москву, бывших дотоле главным центром притяжения уфимских переводов. С 1910–1911 гг. начинается спад нараставшего ранее вексельного кредитования — и по числу учтенных векселей, и по общей их сумме, и по средней валюте векселя. Этому предшествуют начавшиеся уже в 1908 г. просрочки векселей, которых прежде почти не было. Перемены происходят и по части текущих счетов: на место крупнейших клиентов приходят всего лишь «средне-крупные».

Сам автор затрудняется объяснить этот спад, острожно намекая на то, что столыпинские годы стали периодом экономического застоя для страны в целом; фактически, это гипотеза, которую автор выставляет на дальнейшее обсуждение. В заключении автор, правда, допускает мысль, что могла сыграть роль конкуренция других банков или региональная специфика

ка, но (как сообщает он здесь же) никаких определенных данных ни о том, ни о другом нет. Тем не менее, именно эти объяснения спада упомянутых показателей уфимского отделения Волжско-Камского банка кажутся мне наиболее вероятными.

Здесь уместно вспомнить исследование одного из предшественников М.И. Роднова — рано умершего и потому не успевшего стать знаменитым Григория Хацкельевича Рабиновича [3, с. 259–292]. Одна из находок Рабиновича, полезных для понимания вопроса о местных особенностях, — подсчет суммы капиталов, вложенных тем или иным банком в местную экономику (разность между суммой учетно-ссудных операций, с одной стороны, суммой вкладов и текущих счетов — с другой). В одно и то же время баланс разных сибирских городов мог быть очень различным; например, по Сибирскому торговому банку в 1914 г.: +2 285 тыс. р. для Новониколаевска и –2 175 тыс. для Томска [там же, с. 273]. Это означало не экономический кризис и разорение старинного сибирского торгово-промышленного города Томска, а лишь более быстрый рост молодого Новониколаевска (нынешнего Новосибирска).

Еще одно полезное наблюдение того же Рабиновича — описание борьбы банков за клиентуру, из которой (при равенстве сил борющихся) могли вытекать соглашения о разделе рынка [там же, с. 286–287]. Крупным клиентам уделялось штучное внимание, перетягивание каждого из них в свой банк рассматривалось как победа в борьбе с конкурентами. Походя М.И. Роднов сообщает, что с 1905 г. Волжско-Камский банк не был единственным акционерным коммерческим банком в Уфе; но как делили рынок конкуренты — об этом не говорится. Конечно, появление конкурентов могло оказать и немедленное действие (в 1905–1906 гг.), и отложенное (в 1908-м или 1910-м).

Наконец, не исключено и такое объяснение, как качественные перемены в развитии экономики в це-

лом или финансовой отрасли в частности. Сама по себе оценка неоплаченных векселей 1908 г. как «обвала неплатежей» в Волжско-Камском банке выглядит преувеличением: при общей сумме учета в течение года более чем в 2 млн р. и общем числе векселей более чем в 2 000 иметь сотню протестованных векселей (ценой до сотни тысяч рублей) — едва ли чрезмерно. Не исключено, что вексельный кредит в начале XX в. в Уфе просто переходил в новое качество, превращался из привилегированного товара в ширпотреб: если это и кризис, то — кризис роста. Как минимум, такое объяснение напрашивается и заслуживает рассмотрения.

Не вызывает сомнения то, что первые полтора десятилетия XX в. — время роста кредитной системы, в том числе в сегменте мелкого и среднего кредита, что легко прослеживается хотя бы по Ежегодникам Министерства финансов. Если даже не отвлекаться на крестьянские учреждения, а вести речь только о кредите для мелкой городской клиентуры (преимущественно — вексельном), достаточно вспомнить троекратный рост числа операций городских общественных банков (при всех тех законодательных ограничениях, которые обусловили спад 1880–1890-х гг.) и рост обществ взаимного кредита (даже опережающий, по сравнению с акционерными коммерческими банками). Логично думать, что становясь более массовым, вексель становился и менее надежным. Вспоминаются в связи с этим наблюдения Н.М. Чукмалдина над столичными торговыми нравами [4, с. 163–165]. Трудно было провинциалу, привыкшему к работе под честное слово, вживаться в среду, где нормой был обман товарища (но зато и рынок более развит, возможностей вести крупное дело больше). Людям XXI в., воочию видевшим бум потребительского кредитования нулевых годов и последовавший за ним расцвет контор по выбиванию долгов, наверное, нетрудно примерить этот опыт к вексельному кредиту вековой давности.

Книга М.И. Роднова написана живым языком, со многими восклицательными знаками. Восхищение неожиданными находками, не скрытое, а подчеркнутое автором, помогает и читателю понять, чем важны приводимые в книге факты. Обратная сторона медали — в жертву эмоциям приносится точность. Восстановить точность мне кажется важным в том, что касается механизма действия векселя. Объяснить читателю этот механизм автор пытается неоднократно. На с. 81 справедливо сказано, что основная функция векселя — это кредит, предоставляемый в виде отсрочки платежа. Этому верному определению противоречат неоднократные утверждения (в том числе и в наиболее читаемых частях всякой монографии — введении и заключении), что вексель позволяет «быстро вернуть в оборот основную часть отданных должнику денег». Занять деньги у одного и одолжить их другому — это примитивное ростовщичество. Но роль векселя в пореформенной России гораздо важнее: выдача векселя позволяла торговцу взять товар у производителя в долг (то есть взять гораздо больше, чем позволяли наличные деньги, что выгодно и производителю), а учет векселя в банке позволял промышленнику запустить новый цикл производства, не дожидаясь возврата долга торговцем.

Упомянув узкоспециальное понятие «учет векселя», уместно пояснить его суть. Автор монографии рассматривает выражения «учет векселя» и «покупка векселя» в качестве синонимов. Но это разные понятия, и в документах эпохи прием векселя банком с выдачей по нему денег никогда не назывался покупкой, а именно учетом. Это обусловлено самой сутью векселя. И отдавая в банк вексель, и получая по нему деньги, предьявитель векселя не продавал банку чужой долг (теряя всякое к нему касательство), а брал у банка заем, подкрепляя обещание вернуть его свидетельством произведенной коммерческой операции. И если векселедатель оказывался неспособен уплатить по своему векселю, то вся ответствен-

ность по долгу переходила на предьявителя. Вот почему при обсуждении возможности учета векселя учетный комитет банка рассматривал состояние дел как векселедателя, так и предьявителя, и притом уделял большое внимание торговому происхождению векселя. В обиходе банковских деятелей использовалось понятие «бронзовый вексель» (он же — «дружеский», «дутый») — вексель, не основанный на торговой сделке и потому гораздо менее ценный, нежелательный к приему.

Подведем итог. Специалисты по экономической истории пореформенной России получили исследование, которое дает ценный сухой остаток по одним вопросам и открывает простор для обсуждения других. Автор монографии показывает удачный пример использования «нанотехнологических методов» в истории, позволяющих за счет проникновения на уровень отдельных людей и операций понимать общероссийские явления.

Список использованной литературы

1. Гиндин И.Ф. Банки и промышленность в России: к вопросу о финансовом капитале в России / И.Ф. Гиндин. — Москва ; Ленинград : Промиздат, 1927. — 207 с.
2. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века / А.М. Соловьева. — Москва : Наука, 1975. — 315 с.
3. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. / Г.Х. Рабинович. — Томск : Изд-во ТГУ, 1975. — 325 с.
4. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни : Посмерт. изд. по рукописи, во 2-й ч. начерно отделанной автором / Н.М. Чукмалдин. — Москва : Типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1902. — 197 с.

References

1. Gindin I.F. *Banki i promyshlennost' v Rossii: k voprosu o finansovom kapitale v Rossii* [Banks and Industry of Russia: on Finance Capital in Russia]. Moscow, Leningrad, Promizdat Publ., 1927. 207 p.
2. Soloveva A.M. *Zheleznodorozhnyi transport Rossii vo vtoroi polovine XIX veka* [Railway Transport in Russia in the Second Half of the XIX Century]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 315 p.

3. Rabinovich G.Kh. *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskii kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [The big Bourgeoisie and Monopoly Capital in the Economy of Siberia in the Late XIX – Early XX centuries]. Tomsk State University Publ., 1975. 325 p.

4. Chukmaldin N.M. *Zapiski o moei zhizni : Posmert. izd. po rukopisi, vo 2-i ch. nacherno otdelannoi avtorom* [Notes on my Life]. Moscow, Tipo-litografiya A.V. Vasil'eva i K° Publ., 1902. 197 p.

Информация об авторе

Кириллов Алексей Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН; доцент, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: alkir.nsk@gmail.com. ORCID: 0000-0002-8286-3795; SPIN-код: 3589-7190; AuthorID: 245716; WoS ResearcherID: AAE-9703-2019; Scopus AuthorID: 57204804407.

Author

Alexey K. Kirillov – Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Humanities Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: alkir.nsk@gmail.com. ORCID: 0000-0002-8286-3795; SPIN-code: 3589-7190; AuthorID: 245716; WoS ResearcherID: AAE-9703-2019; Scopus AuthorID: 57204804407.

Для цитирования

Кириллов А.К. Банковские операции и экономическая повседневность пореформенной России. / А.К. Кириллов. – DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).165-174 // Историко-экономические исследования. – 2021. – Т. 22, № 1. – С. 165–174. – Рец. на кн.: Роднов М.И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). – Уфа: КнигаПринт, 2020. – 238 с.

For Citation

Kirillov A.K. Bank Operations and Economic Daily Life of Post-reform Russia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 165–174. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).165-174. (In Russian).